

Грамматикализация горномарийского глагола *šuaš* ‘бросить’: что осталось от бросков?

В горномарийском языке есть так называемые сложные глаголы [Bradley 2016] — конструкции из двух глагольных форм, описывающих одну ситуацию. Сложный глагол состоит из лексического глагола в форме деепричастия, который задаёт описываемую ситуацию, и вершины-лёткого глагола, который некоторым образом модифицирует лексический:

- (1) *vas 'a amal-en ke-š*
 В. спать-CVB уйти-AOR[.3SG]
 ‘Вася уснул’.

Лёткий глагол *šuaš*, который употребляется как лексический в значении ‘бросить’, образует сложные глаголы с предельной интерпретацией, обозначающие исчерпанность действия [Голосов (в печати), Кашкин 2018a; 2018b]:

- (2) a. *pi tädä-m vəc minut-äštä pər-ən šu-š*
 пёс тот-ACC 5 минута-IN кусать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 ‘Собака кусала его за пять минут’.
- b. **pi tädä-m vəc minut pər-ən šu-š*
 пёс тот-ACC 5 минута кусать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Собака кусала его 5 минут’.

Дистрибуция лёткого глагола *šuaš* ограничена переходными процессами [Голосов (в печати), Кашкин 2018a; 2018b]:

- (3) a. *vas 'a pet 'a-m jukt-ən šu-š*
 В. П.-ACC душисть-CVB бросить-AOR[.3SG]
 ‘Вася задушил Петю’.
- b. **tädä cilä tetä-m jarat-en šu-š*
 тот весь ребёнок-ACC любить-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Он всех детей полюбил’.
- c. **pört oxər-em šu-š*
 дом пустой-INCH бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Дом опустел’.

Однако требования *šuaš* к лексическому глаголу ещё строже. Так, без специальных ограничений *šuaš* сочетается только с глаголами потери функционала пациентивным участником, в частности, с глаголами уничтожения, как в (3a). С другими переходными процессами, в частности, с глаголами обработки пациенса, *šuaš* сочетается только при условии множественности объекта (впервые отмечено в [Кашкин 2018a]):

- (4) a. **vas 'a miškä-m məšk-en šu-š*
 В. тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Вася помыл миску’.
- b. *vas 'a cilä miškä-m məšk-en šu-š*
 В. весь миска-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
 ‘Вася перемыл все миски’.

В нашем докладе мы постараемся дать объяснение таким на первый взгляд слишком нетривиальным селективным требованиям лёткого глагола *šuaš*. В своём анализе мы будем опираться на развитую в рамках синтаксиса первой фазы [Ramchand 2008] гипотезу, согласно которой лёгкие глаголы в ходе грамматикализации утеряли

возможность обозначать собственную ситуацию, но в той или иной мере сохранили событийную структуру, обуславливающую как селективные ограничения лёгких глаголов, так и их семантику: так, чтобы образовался сложный глагол, лексический глагол должен соответствовать синтаксису и семантике лёгкого.

Такой подход позволяет объяснить и поведение лёгкого глагола *šuaš* ‘бросить’. Мы предполагаем, что *šuaš* сочетается только с переходными процессами ровно потому, что сам когда-то был переходным процессом и сохранил соответствующую событийную и аргументную структуру. Остальные селективные ограничения лёгкого глагола можно объяснить с помощью следующего условия, которое накладывает *šuaš* на лексический глагол:

- (5) Процессуальное подсобытие ситуации, обозначаемой лексическим глаголом, должно состоять из одного или более аналогичных друг другу атомарных¹ подсобытий, описывающих равномерное изменение контекстно релевантного состояния пациенса, причём по наступлении последнего атомарного подсобытия e_n продолжение изменения состояния в виде подсобытия e_{n+1} невозможно.

С нашей точки зрения, такое нетривиальное требование *šuaš* к лексическим глаголам тоже можно вывести из его лексического значения: атомарные подсобытия, наличия которых требует *šuaš* — это бывшие подсобытия-броски, утратившие в ходе грамматикализации свой идеосинкратический компонент значения в терминах [Rapaport-Hovav&Levin 1998], но сохранившиеся в структуре события лёгкого глагола как селективные ограничители.

В пользу такого предположения говорит поведение глагола *käškäš* ‘бросать’, который в качестве лексического отличается от *šuaš* тем, что может описывать только серию бросков [Мордашова 2017]. Это отличие между глаголами сохраняется и у их грамматикализованных вариантов. Согласно данным [Кашкин 2018b], селективные отличия лёгкого глагола *käškäš* от *šuaš* состоят, в частности, в том, что *käškäš* требует событийной множественности от всех переходных процессов в принципе, в том числе и от глаголов уничтожения, в отличие от *šuaš* (примеры взяты из [ibid]):

- (6) a. *vas'a polenä-m pele loš šel-än šu-en/*
 В. полено-ACC половина пополам колоть-CVB бросить-PRF[.3SG]
 **šel-än käšk-en*
 колоть-CVB бросать-PRF[.3SG]
 ‘Вася расколол полено пополам’.
- b. *vas'a polenä-m šukâ laštâk-eš šel-än šu-en/*
 В. полено-ACC много кусок-LAT колоть-CVB бросить-PRF[.3SG]
šel-än käšk-en
 колоть-CVB бросать-PRF[.3SG]
 ‘Вася расколол полено на много кусков’.

Таким образом, отождествление атомарных подсобытий лёгкого глагола *šuaš* с единичными бросками, обозначаемыми лексическим глаголом *šuaš*, позволяет

¹ Для точности зададим алгоритм определения атомарного подсобытия. Так, подсобытие e предиката P атомарно, если выполняются два условия:

1. Подсобытие e ситуации, обозначаемой предикатом P , не членится на более мелкие части-подсобытия, которые можно было бы охарактеризовать предикатом P .
2. Ситуация, описываемая предикатом P , может быть целиком представлена как сумма подсобытий, аналогичных e .

предсказать не только селективные ограничения собственно *šuaš*, но и разницу в дистрибуции между лёгкими глаголами *šuaš* и *käškäš*.

Литература

Bradley 2016 — Bradley, J. (2016). Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Universität Wien, Wien.

Ramchand 2008 — Ramchand, G. C. (2008). *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax* (Vol. 116). Cambridge University Press.

Rappaport-Hovav&Levin 1998 — Rappaport-Hovav, M., & Levin, B. (1998). Building verb meanings. *The projection of arguments: Lexical and compositional factors*, 97-134.

Голосов (в печати) — Голосов, Ф. В. (в печати). Легкие глаголы-телесизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция. *Acta Linguistica Petropolitana*.

Кашкин 2018a — Кашкин Е. В. О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы "Проблемы языка: взгляд молодых ученых". М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2018. С. 110–129.

Кашкин 2018b — Кашкин, Е. В. К типологии семантического развития глаголов со значением 'бросать': данные горномарийского языка // Урало-алтайские исследования, №4, 2018. С. 112–129.

Мордашова 2017 — Мордашова Д. Д. (2017). Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.).